

A high-angle, top-down photograph of a man and a woman walking away from the camera on a sandy beach. They are holding hands and walking towards the ocean. The man is on the left, wearing a white t-shirt and dark shorts. The woman is on the right, wearing a long, flowing white dress. The ocean is a deep blue, and the waves are breaking onto the shore, creating white foam. The sky is not visible, as the image is dominated by the beach and the sea. The overall mood is romantic and serene.

Катрин Фесан

L'ÉTÉ

Катрин Фесан

L'ÉTÉ

«Автор»

2026

Фесан К.

L'ÉTÉ / К. Фесан — «Автор», 2026

("Тишина перед нотой содержит всю музыку.") Это был тот самый август, который снимают в кино, но не показывают в прокате — оставляют для себя, как старую плёнку в жестяной банке. Воздух — плотный и прозрачный одновременно, как дорогой объектив с открытой диафрагмой: всё в фокусе, но главное — между кадров. Солнце не просто светило — оно работало как софит, просачиваясь сквозь кружевную листву платанов и ложась тёплым светом на выбеленные доски веранды, создавая игру теней, которую Тим мог бы разбирать часами.

© Фесан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Катрин Фесан

L'ÉTÉ

Глава 1

L'ÉTÉ

"Le silence, avant la note, contient toute la musique."
("Тишина перед нотой содержит всю музыку.")

Был август, который не запоминают — в нём живут. Он не торопился, не обещал, не требовал — он просто был. Тягучий, как смола на стволах сосен, прозрачный, как первая нота виолончели перед тем, как смычок коснётся струн. Солнце не палило — оно обнимало. Воздух стоял плотный и сладкий, пропитанный запахом прогретой хвои, сухой травы, лаванды и морской соли, которую ветер приносил с горизонта. Казалось, само время здесь решило взять выходной — лечь на тёплые камни, прикрыть глаза и слушать, как цикады ведут свой бесконечный разговор с тишиной.

Вилла стояла на холме, утопая в цветах. Белые гортензии, олеандры, плетистые розы — они карабкались по каменным стенам, переплетались с коваными решётками балконов и создавали ощущение, что дом не построен, а вырос из этого сада, как продолжение его зелёной воли. Старые платаны у входа бросали кружевные тени на гравийную дорожку, и эти тени дрожали, переливались, рисовали на земле узоры, которые менялись каждую минуту — природа писала свой собственный сценарий, не нуждаясь ни в режиссёре, ни в зрителе. Но зритель был.

Тим сидел на веранде, в плетёном кресле с высокой, чуть откинутой назад спинкой, и чувствовал, как плечи отпускают напряжение, накопленное в городе. Здесь, в этом доме, он снова становился собой — не тем, кого знали в столичных галереях и на показах, а тем, кем был когда-то, когда бегал босиком по мокрой траве после дождя и верил, что лето никогда не кончится. На нём была белая льняная рубашка, расстёгнутая почти до груди — тонкая, почти невесомая, дышащая вместе с кожей. Мягкие брюки из той же фактуры, цвета выгоревшего песка, свободно лежали на ногах. Босые ступни касались тёплого дерева веранды — доски, выбеленные солнцем и вымытые дождями, хранили в себе память о каждом лете, которое здесь прошло. На запястье — старые часы, которые носил ещё дед. Тим не носил их в городе. Только здесь. Их стекло было чуть запотевшим от влажности, и Тим поймал себя на мысли, что в этом доме даже время задерживает дыхание.

Из гостиной, через открытые французские двери, доносился Шопен. Ноктюрн до-минор в исполнении Рубинштейна — старая пластинка, которую он нашёл в сундуке матери. Потрескивание винила казалось не помехой, а частью музыки, её душой. Где-то в глубине сада, за оливами, сверкала полоска моря — оно было ровным, синим, почти неподвижным, как огромный кусок лазурита, разогретый солнцем. Стрекот цикад сливался с тихим плеском воды в мраморном фонтане у входа, создавая звуковой ландшафт, в котором не хотелось ничего менять.

На столе, на льняной салфетке ручной работы, стояла тарелка с персиками. Они были тяжёлыми, бархатистыми, с лёгким румянцем на боку — там, где солнце целовало их чуть дольше, чем остальные. Капельки утренней росы ещё не испарились, и на срезе каждого пер-

сика блестел свет. Рядом — графин с лимонадом, в котором плавали дольки лайма и веточки мяты, и раскрытый блокнот, исписанный мелким, нервным почерком Тима. Эскизы. Идеи. Наброски того, что не давало ему покоя последние полгода — новой истории, которую он хотел рассказать. Но здесь, в этом доме, слова, казалось, не нуждались в бумаге. Они жили в воздухе, в свете, в запахе цветущих олеандров. И Тим просто сидел, вдыхал и слушал.

Он поймал себя на том, что уже полчаса смотрит на игру света на стене веранды — как солнце пробивается сквозь виноградные листья, создавая движущиеся картины, которые невозможно зафиксировать, можно только прожить. В этом было что-то гипнотическое, почти медитативное. Тим подумал: а что, если время — это не последовательность событий, а просто слои, которые накладываются друг на друга? Как плёнка в старом проекторе. Мы выбираем, что оставить, что вырезать, а что сделать тишиной между кадрами. Может быть, именно поэтому он вернулся сюда — чтобы найти тот самый кадр, который потерял.

Он отложил блокнот. Захотелось не идей, а прикосновений. Старого, настоящего — того, что помнит тепло рук. Он поднялся на второй этаж, в кабинет с дубовыми панелями. Пол скрипнул под ногой — знакомый, родной звук. Здесь, в этом доме, даже половицы знали его походку. В углу стоял кедровый сундук, окованный потускневшей медью. Тим присел на корточки, провёл рукой по крышке — гладкое, тёплое дерево. Откинул. Пахнуло сухим можжевельником, лавандой и чем-то ещё, что невозможно описать словами — он называл это «запахом памяти».

Руки начали перебирать альбомы. Кожаные переплёты, потёртые уголки, выцветшие страницы. Вот он с отцом на яхте — оба в белых рубашках, ветер в волосах, закат за спиной. Вот выпускной — смех, шампанское, друзья, лица, которые уже начали стираться из памяти. А вот детский снимок. Тим узнал его сразу — тот самый угол виллы, каменная лестница с коваными перилами, кипарисы у входа. И он сам — маленький, в льняных шортах и матроске. Рядом с ним две девочки. Соседки. Близняшки. Он помнил их так ярко, словно это было вчера, а не двадцать лет назад.

Его пальцы замерли.

Лица девочек на фото исчезли. Просто белые, размытые пятна — гладкие, как если бы их намеренно стёрли кистью, смоченной в скипидаре. Не было ни глаз, ни улыбок, ни волос. Ничего. Только пустота. Аккуратная. Идеальная. Будто так и было задумано. Но фон — лестница, кипарисы, плетистые розы над аркой, — остался кристально чётким, каждая трещинка на камне просматривалась, как в 4К.

Сердце кольнуло неприятным холодком. Тим провёл пальцами по поверхности — гладко. Текстура бумаги не изменилась. Словно этих лиц никогда и не было. Но он помнил их. Одну — с каштановыми кудрями и веснушками на носу. Другую — с тёмными, почти чёрными глазами, которые смотрели на него с вызовом, когда он говорил, что девочки не умеют управлять яхтой.

Он закрыл альбом. Постоял, прислушиваясь к себе. Шопен всё ещё играл внизу. Цикады стрекотали. Солнце заливало комнату. Всё было как всегда. Но что-то изменилось. Тонко. Почти незаметно.

Он спустился в сад. Тени от кипарисов казались длиннее и глубже, чем полчаса назад — они ложились на белый гравий чёрными, почти масляными клиньями. Цветы всё так же бла-

гоухали, но в их аромате чувствовалась едва уловимая горечь, которой он раньше не замечал. Тим надел сандалии и вышел за каменную ограду.

На старом пне у дороги сидел мальчик. Лет двенадцати, не больше. Белая рубашка, шорты до колен, парусиновые кеды — безупречно чистые, будто он только что вышел из витрины. Он сидел неподвижно, как статуя, и смотрел на Тима. Глаза мальчика были ярко-голубыми, но в них не было жизни — только пустота, глубокая, как безоблачное небо в пустыне. Ни тепла, ни холода. Просто... пусто.

— Bonjour, — сказал Тим, и голос его прозвучал хрипло, слишком громко в этой тишине. — Ты ведь тот мальчик, что играл здесь с Лили и Розой? Где они сейчас? Я не видел их столько лет.

Мальчик медленно наклонил голову вбок — как птица, изучающая что-то незнакомое. Улыбка расплзлась по его лицу, но не тронула глаз. Она была слишком идеальной, слишком симметричной, будто нарисованной.

— Pourquoi es-tu revenu, Tim? — спросил он. Голос звучал как шипение старой киноплёнки. — Зачем ты вернулся? Здесь никто не живёт. Уже очень давно.

Тим моргнул. Соседние виллы, которые ещё минуту назад казались обитаемыми, теперь стояли с закрытыми ставнями. Ни света, ни движения. Только густая, неестественная тишина.

— Но я помню вас. Всех, — сказал Тим, чувствуя, как по спине пробегает холод. — Мы каждый день играли здесь. Бегали к морю. Собирали цветы. Твой отец играл на скрипке по вечерам.

Мальчик засмеялся — звонко, серебряно, но в этом смехе не было ни капли радости. Только эхо.

— Il n'y a personne ici, Tim. — Здесь никого нет.

Он спрыгнул с пня и побежал между оливами — его белая рубашка мелькала в зелени, быстро растворяясь в горячем мареве. Тим рванул за ним, но ноги вязли в песке, которого здесь никогда не было.

Он упал на колено, поднял голову — и замер.

Вилла стояла белая, красивая, утопающая в цветах. Но с балкона свисали не глицинии — чёрные пряди паутины, а ставни были плотно закрыты, хотя он сам открыл их сегодня утром. В руке всё ещё была та фотография.

Тим поднёс её к глазам.

Лица девочек проявились — чётко, ярко, неестественно. Но они смотрели в объектив с одинаковым, пустым выражением: глаза широко открыты, рты плотно сжаты. Без улыбок. Без жизни.

Солнце погасло. Не зашло за тучу, не село за горизонт — просто перестало светить. Осталось висеть в небе белым выцветшим кругом, не давая тепла, не давая тени, оставляя только обесцвеченный силуэт мира.

И в этой тишине он услышал скрипку. Одну ноту, застывшую в воздухе, которая не заканчивалась.

На его запястье сидела чёрная бабочка. Бархатная, с синим отливом, с узором, как череп на крыльях. Она не улетала. Она раскрывала и закрывала крылья в такт той ноте. И Тим вспомнил голос матери:

«Elles portent les âmes. Elles ne volent pas, elles attendent».

Они носят души. Они не летают. Они ждут.

Он хотел крикнуть — но вырвалась только та нота. Та самая. Бесконечная.

Рывок.

Тим сидит в плетёном кресле. На столе — персики, лимонад, блокнот. Цикады стрекочут. Шопен играет. Всё хорошо.

Но на запястье — след. Идеальный. Как татуировка. Чёрная бабочка.

Он берёт персик, откусывает — пустота.

Где-то за оградой смеётся мальчик. Смех как треск плёнки.

В углу веранды — новая фотография. Тим один у закрытой виллы. Улыбается пустым ртом. Глаза закрыты.

На обороте — почерк матери:

«Écoute». Но на запястье — след. Идеальный. Как татуировка. Чёрная бабочка.

Он берёт персик, откусывает — пустота.

Где-то за оградой смеётся мальчик. Смех как треск плёнки.

В углу веранды — новая фотография. Тим один у закрытой виллы. Улыбается пустым ртом. Глаза закрыты.

На обороте — почерк матери:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.